

пу” літератури, позначеного суб’єктивізацією в індивідуальній творчій роботі — з іншого, переакцентує увагу в першу чергу на неповторність і своєрідність принципів і засобів образотворення, відповідно — форм і видів творення образів-типів, характерів, позначених індивідуальністю, зосереджених на внутрішньому світі, на духовному, як від початку, на початковому, самоцінному в особистості, яка окреслює родове, національне, “несвідоме колективне” начало у мистецько-фологічній, історичній та утопічній рефлексії автора.

Література

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. — М., 1972.
2. Виноградов И. Вопросы марксистской поэтики. — М., 1972.
3. Волков А. Р. К проблеме тропа (на матер. драматургии В. Маяковского) // Вопр. русск. литер. — Вып. 3. — Львов, 1966.
4. Вязовський Г. А. Творче мислення письменника. — К., 1982.
5. Вязовський Г. А. “Образне” і “абстрактне” в художній літературі // Історико-літературний журнал. — 1995. — № 1. — С. 16-18.
6. Гачев Г. Жизнь художественного сознания. — Ч. 1. — М., 1972.
7. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. — В 4-х т. — М., 1971. — Т. 3.
8. Иванюк Б. П. Стихотворение-троп как тип художественного целого: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. — К., 1988.
9. Коцюбинська М. Х. Образне слово в літературному творі. Питан. теор. худ. тропів. — К., 1960.
10. Ласло-Куцук М. Засади поетики. — Бухарест, 1973.
11. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. — Л., 1972.
12. Никифорова И. И. Исследования по психологии художественного творчества. — М., 1972.
13. Овсянико-Куликовский Д. Н. Теория поэзии и прозы. — М., 1993.
14. Пащенко М. В. Метафоризація в романі “Вершники”. Ю. І. Яновського. Автореф. дисс. ... канд. філ. наук. — Одеса, 1990.
15. Пащенко М. В. Поетика одного новелістичного роману. Метафоризація і узагальнення... — Одеса, 1992.
16. Піхманець Р. В. Психологія художньої творчості. — К., 1991.
17. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. — М., 1990.

18. Пащенко В. В. Из студий про новелу. Жанр.-стиль. шит. — К., 1971.
19. Франко І. Из секретів поетичної творчості. — К., 1968.
20. Шкловський В. Повести о прозе: В 2-х т. — М., 1966.
21. Шкловський В. Тетива или О несходстве сходного. — М., 1970.
22. Шляхова Н. М. “Згущення думки” (Теорія художнього узагальнення: Потебня, Бахтін, Лосев) // Слов’янський збірник. Випуск 4. Східнослов’янські літератури. — Одеса, 1997. — С. 5-15.

Н. М. Раковская

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА: ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИФИКИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

Полемика вокруг литературной “критики” и ее специфики ведется в течение последних трех десятилетий на страницах журнала “Вопросы литературы” и ряда научных изданий. Вместе с тем, уже очевидна односторонность взгляда на критику только как “объективное” (А. В. Михайлов) [1] либо “субъективное явление” (Б. А. Бурсов) [5]. Именно диалектика объективных и субъективных начал обуславливает устойчиво-изменяемый, инвариантно-вариативный, многозначный характер прочтения и оценки литературного произведения критикой [9]. Безусловно и то, что специфика критики определяется прежде всего процессом культурного развития. В связи с этим, ей присущи особые формы отражения мира, средства коммуникации, сферы психики [2, 3]. Исходя из концепции трех типов мышления (художественного, теоретического, практического), критика, принимая на себя множественность функций, обладает собственными законами развития.

Специфика литературной критики, представляющей единство научного и практического знания, обусловлена, на наш взгляд, следующими факторами: во-первых, обобщение художественного опыта идет от критики к теории и от нее к методологии, а затем и практике литературно-критического анализа; во-вторых, восприятие предмета анализа (произведения, процесса) происходит не зеркально, а сквозь призму мировоззренческих установок,

которые ориентируют критика на те или иные художественные явления, направления, течения; в-третьих, собственно традициями критики, накопленным ею "мыслительным материалом". предшествующей литературно-критической мыслью.

Литовский критик В. Кубилюс подчеркивает, что сущность критики теоретически еще недостаточно осмыслена, ввиду большой сложности этого феномена духовной культуры и сравнительной молодости теории критики. Действительно, охватывая самые различные области знания, принимая на себя множество эстетических, воспитательных функций, критика, однако, обладает и собственной алгеброй внутренних законов (не всегда, правда, очевидных), по которым она должна обсуждаться и расцениваться наравне с другими явлениями литературоведения [4]. В связи с этим не бесспорны, но интересны размышления Ю. Б. Борева об инструментах анализа критики [4]. Для проникновения в сущность и специфику литературно-критического явления необходимы и достаточны пять последовательных мыслительных действий, из которых складывается научный метод анализа. Обратимся к их сущности.

Первое мыслительное действие — предварение, "выбор исходной позиции", т. е. определение установки, принципов, направления анализа и его исходной парадигмы (предварительной, предположительной, исходной концепции смысла предмета, которая подтверждается или опровергается дальнейшим его исследованием). Этот мировоззренческий этап, как нам представляется, дает видение объекта общим планом, в широком контексте. Предварение определяет и держит под своим контролем последующие мыслительные действия. Выбор исходной парадигмы обусловлен культурной традицией, предшествующим, как мы отметили, "мыслительным материалом" данной области знания, а также социальными ориентациями исследователя. Второе мыслительное действие — приближение к объекту вплоть до непосредственного "соприкосновения" с ним, что позволяет увидеть его средним и крупным планом, рассмотреть "вплотную" и с разных сторон и благодаря этому раскрыть смысл и значение его внешних связей. Третье мыслительное действие — про-

никновение, т. е. движение внутрь исследуемого предмета, вычленение его структурных элементов. На этом этапе раскрывается смысл и значение внутренних связей произведения, его различных элементов. Четвертое мыслительное действие — постижение динамики, т. е. выявление смысла и значения функционирования литературного явления. Пятое мыслительное действие — понимание сути, т. е. обретение целостного взгляда на предмет исследования путем синтеза и обобщения результатов, полученных на предшествующих этапах анализа. Синтез возвращает исследователя на новом витке спирали познания к общему плану, но обогащенному детализированным видением предмета в подробностях его внешнего и внутреннего строения. Пятое мыслительное действие ведет к конкретным-всеобщим суждениям о предмете.

Убедительным аргументом в пользу предлагаемой структуры литературно-критического анализа служит то обстоятельство, что в истории философии и конкретных наук развитие методологии прошло этапы, которые соответствуют охарактеризованным выше пяти мыслительным действиям (филогенез и онтогенез совпадают). Все эти общие соображения обретают специфику применительно к такому сложнейшему и своеобразнейшему объекту как литературно-критический процесс.

Литературно-критический процесс как всякое движение, протекающее во времени, следует понимать как диалектическое единство прерывного и непрерывного. В своих философских, культурологических и эстетических работах П. А. Флоренский видел в "идее непрерывности" один из ложных элементов, заложенных в фундамент современного мирозерцания европейской цивилизации [14, 15]. Идее непрерывности Флоренский противопоставляет "идею прерывности", о которой говорит, что она "со всех сторон врывается в науку" [14, 120]. Как нам представляется, современному научному и философско-методологическому взгляду на литературно-критический процесс наиболее соответствует идея единства прерывного и непрерывного. Эта идея предполагает, в частности, и периодизацию литературно-критического процесса, его научное членение, ибо всякий культурный процесс диалектичен и включает в себя "внезапные скачки".

Вместе с тем, в современных работах по истории русской критики ("Очерки по истории русской критики и журналистики"), подготовленные ЛГУ, "История русской критики", созданная в стенах ИРЛИ и ИМЛИ, учебные пособия, написанные В. И. Кулешовым, В. А. Недзведским (МГУ) [10, 12], исследователи не опираются на концепцию развития критики как ее "самодвижения". Разделение критического процесса на периоды и этапы фазисы и моменты основывается не на таящихся в критике самой, именно ей специфически присущих началах, а на факторах общих, восходящих либо к определенным сферам, либо к истокам идеологии в целом, словом, к факторам не имманентно-диалектического, а извне-детерминирующего, а потому "чужого" происхождения.

В одних случаях на первом плане оказываются принципы, на которых основывается периодизация истории русской литературы (истории русской критики ЛГУ и ИРЛИ тем разнятся в прослеживаемом отношении друг от друга, что в первой выпукло проступает не столько общественно-историческое, социально-идеологическое, сколько хронологическое собственное членение), в другом же случае ("История русской критики" В. И. Кулешова, "Русская критика XVIII-XIX вв." В. А. Недзведского) — сам литературно-художественный процесс полагается во главу угла и его направления, школы и пр. становятся системообразующим началом. "Специфическое" же во всех указанных периодизациях, как правило, не прямо заявляет о себе, а пробивается стихийно, поскольку факты исторического развития русской критики звено за звеном заставляют осознать их противоречивый рубежно-переломный характер.

Собственно проблема тут состоит в том, чтобы "специфическое" заняло в периодизации главенствующее место, потому что развитие критики позволяет осмыслить весь литературно-критический процесс. Диалектика содержания, как отмечал Гегель, определяет диалектику движения.

Литературная критика как "самодвижение" развивается по нескольким основным этапам.

1. Развитие критики от диффузно-синкретического состояния до отпочкования и самоутверждения. Факторы, которые определяют "самодвижение" критики в эту пору таковы:

а) критика, хотя она уже возникает и прогрессирует, является, однако, пока еще не себя самое, но, так сказать, литературоведческое знание вообще;

б) критика, хотя и притязает на научность, но остается более всего в этом отношении уязвимой, а поначалу и просто беспомощной;

в) критика облекается в формы не ею для себя созданные, а взятые извне, готовые — формы литературно-художественные, философские, общенаучные и пр.

Хронологические вехи: XVIII — нач. XIX вв.

2 этап. Развитие критики от самоопределения к действительной и полной ее самостоятельности как науки, т. е. к классическому своему фазису.

Хронологические вехи периода: начало XIX в. — рубеж 30-40 гг.

Диалектика этого важнейшего переходного периода может быть раскрыта словами Гегеля, который указывал, что одно дело — ход возникновения и подготовительной работы какой-нибудь науки, и другое — сама эта наука [8, т. VI, 23]. Видимо, речь должна идти о процессе более общем и широком, о процессе окончательного формирования и утверждения критики как таковой, и нашей литературоведческой мысли в целом. Такое воззрение на сущность этого периода, вообравшее в себя достижения историко-критического знания, изложено в коллективном труде ИМЛИ "Возникновение русской науки о литературе". Хотелось бы отметить ощутимую парадоксальность реального существования той или иной отрасли науки в тот момент, когда ее бытие в качестве таковой является собой переѣстание возможности в действительность, когда она ищет и обретает себя не на собственной основе, и вместе с тем, появляется "спецификация" (т. е. обращение в органически "свое").

Все это представляет собой почву, на которой идут к жизни и к своему разрешению, приближая тем самым грядущий классический фазис истории русской критики, противоречия ее развития на данном этапе:

а) критика в этот период выступает "прикладной" — не движущейся! — эстетикой, т. е. эта последняя не сю самой создается, но заимствуется полностью из теории литературы и искусства вообще и поистине прилагается

к предмету анализа и оценки (противоречие это так или иначе непременно заявляло о себе в критике, например, декабристов);

б) критика ищет себя и “свое” в обращении и к другим сферам — ресурсам историко-философских знаний, публицистики, искусства. Ресурсы эти тоже лишь “прикладываются” критикой, и в каждом случае возникает противоречие, которые “толкают ее вперед” по пути создания из чужеродных стихий — стихий специфически-своих, стихий критики публицистической, художественной и т. д.

В процессе обретения научности особо должна быть выделена все возрастающая и усилившаяся от десятилетия к десятилетию роль философского начала (главным образом, идей и методов немецкой классической идеалистической философии от Канта до Гегеля).

в) “Свое” вырабатывала критика и в методологической сфере, в связи с чем возникали и новые противоречия. Они ширились и обострялись необходимостью не только создавать согласующиеся с сущностью критики способы и приемы публицистического, исторического и художественно-анатомического (по словам П. В. Анненкова) анализа, но и “сцеплять”, ставить их в гармонически целенаправленное взаимодействие друг с другом. Это процесс способствовал появлению собственно критических жанров (проблемной статьи, монографической работы и т. д.).

“...Во всей пестрой картине литературных мнений, тесноты, суждений о литературном процессе, методологических и методических рекомендаций... весьма четко просматривается та закономерность, которая исключительно важна для науки, — постепенное укрепление принципов историзма, становящихся с каждым новым десятилетием все более конкретными и все более господствующими в системе литературных знаний” [13].

Действительно, как бы ни было различно содержание историзма литературоведческих идей в тех или иных школах и направлениях, этот исследовательский и методологический принцип оказался в конечном счете определяющим в русской науке о литературе. Он составил “генеральную линию” всех литературоведческих направ-

лений. В этом смысле была исключительно велика роль Белинского [7].

3 этап. Развитие русской критики (от Белинского 40-х гг. до 70-х годов включительно). Важнейшая особенность указанного периода состоит в том, что историко-литературное знание и критика одновременно, как бы друг через друга приходят к обретению подлинной — каждая своей особой и в то же время слиянной, уходящей корнями в одну и ту же почву — научности [6; 7]. Отсюда вытекает необходимость начать характеристику данного этапа с объяснения того, почему и как одно, т. е. формирование и утверждение критики собственно, критики классической, должно было идти и шло у нас действительно через другое — через создание истории русской литературы как науки.

Как известно, краеугольным камнем любого научного собственного знания является так называемый “принцип каузальности, метод причинно-генетического объяснения”, с этой именно закономерностью исследователи обязательно соотносят утверждение у нас Белинским истории русской литературы как науки. Происходит слияние научного и практического познания в различных типах критики (революционно-демократической, эстетической, органической).

Соответственно кардинальная тенденция классического фазиса истории русской критики заключалась в том, что на всем его протяжении историческое продолжало не только соотноситься с критическим, но и предопределяется им, выступая как бы производной, как бы функцией его.

Сращенность научного историко-литературного знания с критикой не только порождает со всей необходимостью актуализм, но и, главное, максимализирует его, влечет за собой кульминирование свойственных ему противоречий. Самым очевидным и глубоким выражением этой важнейшей особенности развития нашей критико-литературоведческой мысли на классическом этапе ее истории являются противоречия историко-литературной мысли позднего Белинского и его последователей. Симптоматично тут отношение всех их вместе и каждого к фольклору и древнерусской литературе.

Рассматриваемое противоречие, восходя генетически к критике, вызывало противоречия на историко-литературной почве. Так, взгляд Белинского на идею “нату-

ральности” вносил свою лепту в формирование ошибочных или односторонних критических приговоров, выносившихся гоголевским лирическим отступлениям, произведениям Достоевского, написанным после “Бедных людей” и др. Вот почему противоречие это надо расценивать как противоречие не только историко-литературной мысли, но и критики собственно, которая и на классическом своем фазисе лишена была твердой научной опоры. И снятие его могло быть обеспечено только созданием развитого и научно-зрелого литературоведения.

Достигнуто это было отчасти на четвертом этапе развития критики. Сюда примыкает и послеклассическая народническая — критика, представители которой, с одной стороны, продолжали и развивали традиции своих предшественников и вместе с тем в известных существенных отношениях от них отходили (диалектику этой тенденции очень колоритно воплощает деятельность Н. К. Михайловского 70-х гг.). Этот период (70-90-е гг. XIX в.) характеризуется столкновением социологического и интуитивно-религиозного знания, преодолеваемое уже в различных литературоведческих школах [1; 6; 13]. В концептуальном плане данные положения рассматривались в трудах литературоведа Б. Ф. Егорова (“О мастерстве литературной критики”; “Борьба эстетических идей в России 1860 годов” и др.).

Размышляя о периодизации, необходимо учитывать и различные типы критик, взаимодействующих на разных этапах. Противоречия между ними играют существенную роль не только в процессе становления и утверждения критики, но и всего дальнейшего ее развития. А потому фазисы, моменты истории критики в их, так сказать, особенностях должны определяться с учетом и этого обстоятельства. Напомним о преобладании художественного начала в методологических установках, в логике анализа и оценки литературных явлений у Ал. Григорьева, у некоторых представителей славянофильской критики (К. Аксакова, например). Революционно-демократическую критику 60-х годов определяло во многих, принципиально значимых моментах доминирование публицистического подхода. Видимо это соотношение и вызвало сегодняшние споры о критике (напомним о точках зрения Г. Поспелова, Ю. Суровцева, Б. Бурсова, В. Кожина и др.).

Правда, никак не следует преувеличивать историко-критической значимости характеризуемого фактора, он нередко несет лишь стилиобразующую функцию, определяющую творческий метод, манеру того или иного критика. Однако нельзя и не видеть в нем одну из составляющих процесса развития критики, особенно тогда, когда ее деятели осознаются в монографическом и обзорном аспектах, т. е. трактуются в своей индивидуально-творческой неповторимости и вместе с тем рассматриваются в свете историко-культурной ценности.

Данная периодизация способна, думается, дать предметно-конкретное представление о развитии критики как ее истории в самом широком и полном значении понятия.

Литература

1. Барт Р. Критика и истина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. — М., 1987. — С. 349-387.
2. Брюховецкий В. С. Критика как мышление и деятельность // Радянське літературознавство. — 1983. — № 10 (на укр. яз.).
3. Брюховецкий В. С. Природа, функции и метод литературной критики. Дис. на соискание уч. степени доктора филолог. наук. — Киев, 1986.
4. Боров Ю. Б. Роль критики в художественном процессе. — М., 1979.
5. Бурсов Б. Критика как литература. — М., 1975.
6. Вайман Р. История литературы и мифология. — М., 1975.
7. Возникновение русской науки о литературе. — М., 1975.
8. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. — М.-Л., 1958. — Т. XI-XII.
9. Золотухин Г. А. Литературно-критическая деятельность: диалектика объективного и субъективного. — Киев, 1992.
10. Кулешов В. И. История русской критики XVIII — начала XX веков. — М., 1991.
11. Михайлов А. В. Литературоведение и проблемы истории науки // Филологические науки. — 1991. — № 3-4.
12. Недзведский В. А. Русская литературная критика XVIII — XIX веков. — М., 1994.
13. Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семиотики. — М., 1978. — С. 273.
14. Флоренский П. А. Об одной предпосылке мировоззрения // Весы. — 1904. — № 9. — С. 24-26.
15. Флоренский П. А. Философия культа // Богословские труды. — М., 1977.